

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2017.3.1

Бунин как «буревестник» новой революции

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья дает авторское осмысление роли творчества И. А. Бунина и его произведений предреволюционного периода в формировании образа России и русского человека в сознании читающей публики. В 1910 г. Бунин опубликовал свое главное произведение — «Деревня». В нем писатель изобразил целую галерею деревенских персонажей, наделенных чертами якобы «типичного русского характера»: отрицательными, а часто совершенно отрицательными. Сама жизнь в ситуации постоянного подавления со стороны «хозяев» (дворян и помещиков), бытовое неустройство, голод, болезни — все это создает безнадziejный образ «мужика», лишённого каких-либо добродетелей, и тяжелейшей порочности обитателей деревенского мира. Раскрывая в «Деревне» особенности труднейших и суровых условий жизни сельского населения в 1904–1907 гг., Бунин, хочется думать, сам того не осознавая, вызывал в умах современников понимание того, что единственный путь для исправления мрачной картины бытия 85% русского народа — радикальные перемены и смена правящего строя.

Ключевые слова: И. А. Бунин; революция; образ России; русский человек; «Деревня»; русская литература

ВВЕДЕНИЕ

В 1910 г. И. А. Бунин опубликовал, как я считаю, свое главное произведение — «Деревня».

Далеко не все поверили в правдивость изображенного, но многие восхитились этой выдумкой. А что же царская власть? Она что-нибудь поняла из написанного? Пушкина за такой «сериал» уpekли бы в Петропавловскую крепость. А в честь 25-летия литературной деятельности Бунина в Москве с 25 по 28 октября 1912 г. состоялись большие торжества: литературные вечера, балы, спектакли, приемы... Пей, гуляй, столичная знать и нарождающаяся интеллигенция, в честь пушкинского лауреата и почетного академика!

Одним словом, литературная судьба Бунина складывалась столь прекрасно, как до этого не случалось, пожалуй, ни с одним из поэтов и писателей России. Один из персонажей «Деревни» говорит: «Боже милостивый! Пушкина убили, Лермонтова убили, Писарева утопили, Рылеева удавили... Достоевского к расстрелу таскали, Голя с ума свели... А Шевченко? А Полежаев?..» (Бунин, 1965: 67).

Первая русская революция 1905 г. взволновала, но не потрясла бунинское мировоззрение, не поколебала его взглядов на самодержавный строй.

Грянула Первая мировая война, а затем Февральская революция, к которой Бунин отнесся брезгливо, но без ненависти: да, монархия рухнула, самодержавие пало, но Временное правительство возглавлял князь Львов, министры — сплошь из «высшего света», и многое говорило за то, что хоть и в каком-то ином, превращенном виде, но монархия может возродиться, что дворяне останутся дворянами, а помещики — помещиками.

И вдруг новая — Октябрьская, да еще социалистическая революция! «Фабрики и заводы — рабочим!», «Землю — крестьянам!», «Долой войну!», «Да здравствует советская власть!». А главное — диктатура пролетариата!..

Около года Бунин наблюдает революционный ураган, сидючи в Москве, затем уезжает в Одессу, занятую французами и белогвардейцами, устанавливает связи с Деникиным, выступает против большевиков со статьями в прессе, с лекциями — перед публикой. С большой горечью провожает покидавшие Одессу французские корабли, с ненавистью встречает Красную армию.

В конце января 1920 г. Бунин вместе с В. Н. Муромцевой на переполненном французском пароходе навсегда расстается с Россией. В начале февраля, высадившись ненадолго на берег Константинополя, он отправляется поездом через Софию в Белград. В софийском отеле Бунин ограблен и становится абсолютно нищим. Местное правительство обеспечило Бунину бесплатный проезд до Белграда. В марте он вместе с Верой Николаевной наконец добирается до Франции, где проведет всю оставшуюся жизнь (33 года) сначала в Париже, а потом в Грассе.

В 1922–1923 гг. центр русской эмиграции перемещается в Париж. Здесь жили М. Алданов, Б. Бальмонт, Э. Гиппиус, А. Куприн, Д. Мережковский, Н. Тэффи, многие известные в России политические, общественные деятели, священнослужители.

Оказавшись в эмиграции, все названные поэты и писатели были вынуждены забросить пейзажную поэзию и бытописание, погрузиться в политику и стать публицистами — принять на себя миссию «голоса поработенной России». Всегда скептически смотревший на революционное переустройство общества, Бунин вдруг с особой остротой почувствовал себя гражданской личностью, начал пристрастно следить за событиями в СССР, писать статьи о торжествующих на его родине «хамах и зверях», «врагах рода человеческого».

Вскоре Бунин отправляет в созданную Струве русскую газету «Возрождение» открытку, в которой сообщает, что выслал ему фельетон с названием «Окаянные дни» (Бунин, 2007: 20).

«ДЕРЕВНЯ» И ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

События повести Бунина «Деревня» происходят в 1904–1907 гг., т. е. накануне, в ходе и после Первой русской революции 1905 г.

Для общества и властей «Деревня» стала совершенно неожиданным произведением. За Буниным уже закрепилось представление утонченного поэта (и прежде всего поэта, а не прозаика), далекого от российской современности, столь увлеченного экзотическими картинами дальних стран, черпавшего вдохновение где угодно и в чем угодно, только не от запаха родного деревенского навоза, прелых портянок и гнилых лаптей деревенских мужиков и баб. Вот такой поэт и переводчик — «не от мира сего», не от смердящих ран и болей отечественной действительности — был угоден самодержавной власти; за такую социально-политическую позицию, а не только за талант, думаю я, он и удостоился пушкинских (хоть и половинных) премий, золотых медалей

рецензента, лавров почетного академика. И вдруг — (от «своего» поэта!) такая грубая вещь, как «Деревня»... «Деревня» наделала много шума, но оценена была далеко не однозначно.

Буниноведы отмечают: «Бунин не был далек от социальных потрясений современности. Он следил за всем, что происходило в стране в бурное время революции и реакции. Всеобщая забастовка, царский манифест, баррикады, восстания, бесчинства черносотенцев и погромщиков, меняющиеся настроения в деревне и в столицах — все занимало писателя» (Крутикова, 2001: 482).

Горький оценил «Деревню» так: она заставила «разбитое и расшатанное русское общество серьезно задуматься уже не о мужике, не о народе, а над строгим вопросом — **быть или не быть России?**», она заставила «мыслить именно обо всей стране, мыслить исторически» (цит. по: там же: 484; здесь и далее выделено мною. — *И. И.*).

У Бунина не было никакой позитивной программы, поэтому он никуда не зовет читателя, никуда его не ведет, никаких путей не указывает. Их должен отыскать сам читатель.

Друзья хвалили автора однозначно, полагая, что это произведение дает **всеобъемлющую характеристику** российского крестьянства, да и России в целом.

Герой повести (т. е. сам Бунин) ищет ответы на вопросы о происходивших в ходе революции событиях и о **причинах самой революции** не столько в коллизиях современности, а прежде всего в истоках сложной российской истории.

«Рабство отменили всего сорок пять лет назад, — что ж и взыскивать с этого народа? — думает самоучка-правдоискатель Кузьма Красов. — Да, но кто виноват в этом? Сам же народ!» Еще один герой повести Балашкин яростно вопрошает: «Скажешь, — правительство виновато? Да ведь **по холопу и барин**, по Сеньке и шапка. Ох, да есть ли еще такая сторона в мире, такой народ, **будь он трижды проклят?**»

«**Величайший народ**, а не “такой”», — возражает Кузьма (Бунин, 1965: 67).

Естественно спросить: «С какой стороны в этом споре выступает Бунин?» Ответ вроде бы очевиден: с обеих, ведь он — автор. Нам известны все произведения Бунина, а не только «Деревня», мы знаем, какими словами оценивал он русский народ во все времена, вплоть до самой своей смерти. Да, иногда, оч-чень редко делал реверансы в сторону его добродетельных качеств, но почти всегда из уст его вырывались шрапнелью слова «чернь», «хамы», «дикари», «звери», «убийцы», «воры».

В печати в большом количестве появлялись рецензии на повесть «Деревня» совсем иного, негативного рода.

А. Бурнакин в статье «Литературные заметки. **Пасквиль на Россию**» писал: «Ив. Бунин — сельский поэт по преимуществу, и конечно у него уж надо предполагать знание изображаемого быта. В самом деле, повесть полна наблюдений и фактов, более даже, чем полна — набита “фактическим материалом”. Однако и эта с виду “правдивая” повесть **сплошной поклеп на русское крестьянство**. В “Деревне” Ив. Бунина все от предвзятости и лукавого умысла, и “**правда**” Ив. Бунина **горше самой бессовестной лжи**. Нагромождение **односторонних фактов**, превращение всех возможностей в действительность, **подтасовка материала в одну сторону**, — все говорит о **злом умысле**, о претенциозном отношении автора к объекту. ...“**правда**” о русской деревне под ехидным пером Бунина превратилась в невероятную и обидную **ложь о русской душе**. Пусть даже верны его жестокие наблюдения, все равно ошибочны выводы... Ив. Бунин не жалеет красок, он смело сгущает и чернит, лишь бы раздоказать, что **крестьянин — дикарь и выродец**, что **деревня — ужас и смерть**, что **Россия — пустота и ничтожест-**

во. ...Он решительно не верит в будущее России, смеется над ее историей, издевается над всем, на чем лежит отпечаток славянства» (Бурнакин, 1911: 4).

Сам я, пишущий эти строки, за последние десять лет, уже как председатель Попечительского совета литературной Бунинской премии, т. е. как человек, обязанный иметь свое собственное мнение о творчестве И. А. Бунина в целом, а в данном случае о повести «Деревня», перечитывая ее, с разрывом в несколько лет, последний раз — совсем незадолго до того, как взялся за работу над этой статьей, могу сказать, что имею теперь твердое мнение об этом произведении, наделавшем много шума в российском «высшем свете» и литературном сообществе, но, как считают нынешние буниноведы, в то время «не понятном», поскольку в основном «Деревня» была воспринята критически.

Меня, нынешнего читателя, от происходившего в повести и времени ее выхода в свет отделяет более ста лет. Бунинской деревни, в которой он жил до 19 лет, а затем бывал наездами то в Бутырках, то в Озерках, то в Глотова уже взрослым летними месяцами и там писал свои стихи и рассказы, наблюдая мужиков и баб, как говорится, в упор и с явной заинтересованностью, я, конечно, не знаю и знать не мог.

Но в те же годы в деревне Батюково Тверской губернии Зубцовского уезда жили мой прадед Федор и мой дед, тоже Федор, священнослужители; мои прабабушка Наталья Осиповна и бабушка Татьяна Семеновна Ильинские. Деревня Батюково, судя по тому, что я знаю о ней из рассказов моей матери, жены Михаила Федоровича Ильинского, от которых я и появился на свет, была крепкой и даже очень: более тысячи жителей, с церковным приходом, главами которого были мои деды и пращурь, со средней школой и даже сельским самодеятельным театром. Церковь, школа, да еще средняя, театр — эти три учреждения говорили о культуре в этой деревне и ее жителях многое. Вокруг Батюково на расстоянии трех-пяти-семи верст лепились еще десятков деревень — Асужнево, Болотово и другие, коих в один большой сельский куст стягивали батюковские церковь и школа.

Прадеда Федора и прабабушку Наталью Семеновну я в живых не застал, как и деда Федора: он отдал Богу душу, как говаривали мне жители Асужнево, куда вынужденно переехала жить баба Таня еще в начале Великой Отечественной войны. В Батюково стояли советские войска, а в нескольких сотнях метров за Черной речкой находились немцы. Все избы, школу и церковь, на верхушке которой находился красноармейский наблюдательный пункт, немецкая артиллерия разбила в щепки и кирпичи...

Так вот, когда в 1963 г. я все-таки разыскал тетю Нину в Ленинграде, а бабушку — в деревне Асужнево Калининской (ныне Тверской) области, тамошние старики рассказывали, будто дед мой Федор был огромного роста, добр к прихожанам, имел столь могучий бас, что когда уходил в ближний лесок и распевался перед молениями, то на верхушках деревьев трепыхались листья, и его слушала вся деревня, а когда пел в церкви, то звенели лампы и покачивались люстры.

Я спрашивал бабу Таню, правда ли это, а главное, когда помер мой дед, где его могила, есть ли хоть одна фотография. В ответ она лишь горестно качала головой, как бы подтверждая рассказы асужневских стариков и старух, некогда тоже живших в Батюково, а потом переселенных в Асужнево по той же причине, что и баба Таня. А на вопрос о фотографии деда молча разводила руками.

— А дед Федор твой нежданно исчез, будто в воздухе испарился... Пошел в лес, пел-пел и замолчал... Всей деревней искали, так и не отыскали... А было это еще

в двадцать четвертом году. Мишенька, отец твой, был совсем малец, годков семь-восемь, а Валечке и Ниночке и того меньше.

Помолчала, продолжила:

— Тогда крепкие мужики из разных сел бунт задумали... против власти... Что-то им шибко не понравилось. И пошли ходом, большой толпой во Ржев. Впереди княгиня... Имя не помню...

А я, поскольку прочитал книжку о Тверской губернии тех времен и об этом крестьянском восстании, подсказал:

— Княгиня Голицина...

— ...Вот-вот, Голицина... И священники за ней с хоругвями. Ну, и мой, само-собой... До Ржева-то они не дошли, окружили их, стреляли, кого убили, кого ранили. А моего почему-то отпустили. Почему? Не знаю. Вот он и жил. Потом запил смертельно. Года два пил. Ходил в лес и все молитвы Богу пел. И пропал... Год — пропал, два, три... Я поняла. Фотографии его сожгла. Ведь они в рясах были там, не он один... А тут дети растут... Так что где твой дед захоронен, не знаю.

И заплакала, вытирая слезы костяшками своих скрюченных, потрескавшихся пальцев, с въевшейся в них несмываемой никакими водами тверской землей...

В те годы, когда я каждый раз по приезде в Асужнево встречался с тамошними стариками, мне было 25–27 лет, а они, разновозрастные, в основном старухи, поскольку мужиков старшего возраста повыбили сначала Гражданская война, а молодых — Великая Отечественная. Старики по возрасту относились к категории чуть постарше героев бунинских произведений. В их глазах и лицах, в поведении я не заметил никакой дикости и злобы, ничего звериного, рабского. Жили они в небольших бревенчатых избах, без электричества, при свечах и лучине, без радио, что меня буквально потрясло: ведь шли шестидесятые годы XX в., расстояние от Асужнево до железнодорожной станции Зубцовск, по которой из Москвы в Ленинград неслись электропоезда, всего 17 километров. Каждая семья держала корову, по две-три овцы, свиней, кур, гусей, у каждой был свой огород. Добры, любопытны, хотя забот, беды и горюшка в каждом доме в избытке осталось еще от прошлого, да и в текущем времени хватало вдосталь. Но такова была жизнь вообще, будь ты богат или беден, знатен или прост...

О Бунине в ту пору я не знал ничего. Но теперь, сравнивая его оценки и суждения о «типичных чертах русского народа», думаю, что он был высокомерным и злым, дабы так беспощадно судить о крестьянах, работавших на его длительные путешествия, проживание в дорогих гостиницах и питание в ресторанах. А может, он был психически не вполне нормален, до последней крайности возмущен и раздражен чем-то в детстве и юности, а потом — в годы революции и после нее, и прожил в таком состоянии всю свою жизнь, восторгаясь своей ненормальностью как исключительностью среди нормальных людей.

9 марта 1941 г. Бунин пишет в дневнике: «Три раза в жизни был я тяжело болен по 2, 3 года подряд, душевно, умственно и нервно» (Бунин, Бунина, 2005: 309). На эту запись никто почему-то не обращает внимания. А может, именно в моменты такой болезни он и «выдумывал» «Деревню»?.. Трижды (два раза из-за разлада со своей возлюбленной — гражданской женой Варварой Пашенко, а в третий раз — с официальной Анной Цакни Бунин хотел наложить на себя руки; уже под конец жизни снова писал в дневнике, что душевно болен, и снова думал о самоубийстве).

Критики писали, друзья говорили: «Ах, какой замечательный язык!..» Бунин в ответ возмущался: «Язык, язык!.. Какой язык? Обыкновенный русский язык!» И ведь он

прав! Если ты всю жизнь поэт или писатель и каждый день с утра до вечера пишешь на русском, самом богатом по количеству слов и их многозначности, да еще хочешь выглядеть лучше всех в ряду своих собратьев-соперников по перу, то разве можешь ты, как «Эллочка-людоедка», излагать свои мысли несколькими сотнями слов, зная, что русский словарь содержит их сотни тысяч? А Бунин и состоял как раз в разряде лишь читающих и пишущих; и у него были десятки образцов, к которым он тянулся, но так и не достиг их уровня. Тот же Лермонтов. В 28 лет погиб, но уже знал все обо всем, а как писал! При этом еще служил офицером, влюблялся и стрелялся на дуэлях...

...После 323 дней самой холодной осени и зимы (температура по Цельсию до 40 градусов), после самого голодного (140 граммов так называемого хлеба в сутки и больше ничего на человека) периода фашистской блокады Ленинграда, которые пережила наша семья, 23 июля 1942 г. нас эвакуировали в Новосибирскую область и поселили в глухой таежной деревушке, у которой было четыре названия: «Петушиха» (неведомо как возникшее), «Пономаревка» или «Татарниково» (поскольку населяли ее на 90% представители двух фамилий — Пономаревы и Татарниковы) и последнее (а официально — первое) — колхоз им. А. А. Жданова, который в тот момент одновременно занимал два поста: секретаря ЦК КПСС и первого секретаря Ленинградского обкома КПСС.

В Петушихе мы прожили почти восемь лет. С описанной бунинской Дурновкой и Асужнево нашу Петушиху роднила одна беда: всеобщая бедность, отсутствие электричества, радио. Шла война с Гитлером — «Все для фронта! Все — для Победы!» Все мужики были на фронте, в деревне остались дети, подростки, старики и бабы.

Бунин в это время жил в Париже и, как пишет он сам в своем дневнике, лихорадочно следил по карте за тем, как идет эта война. Бунин уверял поэта К. Симонова, что с 22 июня 1941 г. он «вложил свою шпагу в ножны», т. е. не писал в газеты и журналы статей о «большевиках — хамах, зверях и злодеях». Но он лукавил...

Нашу жизнь в эвакуации я описал в документальной повести «Живу и помню» (Ильинский, 2014). Была она очень нелегкой, эта жизнь. Во многих отношениях — психологическом, эмоциональном, материальном. Погиб на фронте отец — Михаил Федорович. Умер от завезенных из Ленинграда блокадных болезней в возрасте 20 лет старший брат Олег. Мама пыталась покончить с собой. В июле 1947 г. на деревню обрушился невиданный по размерам (с куриное яйцо) град, уничтоживший весь наш огородный и колхозный урожай. Вот тут у некоторых селян проявились не лучшие «типичные черты русского характера», в частности — жадность. Даже у тех, чьи огороды пострадали не так тотально, как наш. Абсолютное большинство петушихинцев (град прошел широкой полосой, и некоторые участки едва задел) не то чтобы поделиться с голодающими, даже не хотели продать картошку и другие овощи за деньги, которые мы получили за погибшего отца). Однако тут есть некоторое объяснение: в Сибирь еще при царе ссылали многие тысячи уголовников, раскольников...

Но были и другие, совсем другие люди! Они сами приносили в наш дом еду, и делали это часто. Как можно назвать их «зверями», «дикарями»? Тут не может быть обобщающей картины, как ты ни старайся, подобно Бунину, нарисовать ее, а Горькому признать это, да он уже в 1911 г., по сути дела, отказался от своих оценок, так же как Бунин отрекся от дружбы с Горьким в 1917 г. и стал считать его своим врагом.

Добро, доброта — вот «типичная черта русского характера», о которой Бунин ни в своей «Деревне», ни в своем «Суходоле» не упоминает. Его описание «типичного русского характера» в рассказах, повестях, не говоря уж об «Окаянных днях», — это

злостный поклеп, донос всему миру на русский народ, о любви к которому он иногда говорил, но на самом деле любил только одну из двух России: не крестьянскую, а дворянскую.

Буниноведы сообщают, что «у Бунина был замысел написать повесть “Город” как продолжение “Деревни”, но он не был осуществлен» (Бунин, 2007: 562). А мне кажется, что Бунин, однако, план свой претворил в жизнь, хоть и под другим названием: «Окаянные дни».

В самом деле, где заварилась революция? В городах — в Петербурге и Москве, перекинулась в провинциальные более или менее промышленно развитые города, а уж потом — в деревни. Кто был главным субъектом революционных действий? Рабочие, пролетариат, интеллигенция. Кто ж тогда выступает под личиной «хама», «дикаря», «убийцы», «злодея», которые представлены в бесчисленных сюжетах и разных ипостасях в «Окаянных днях»? «Город».

«Деревня» в обобщенном виде — «чернь», «хамы», «дикари», «злодеи» и «разрушители». «Город» — это (опять же в обобщенном виде) тоже «чернь», «хамы», «дикари», «злодеи» и «разрушители», только не столь уж «тупые» и «одичалые», как в «Деревне». Среди них были «хамы», «дикари» и «злодеи» даже с высшим образованием, способные писать научные статьи и книги, более того — увлечь своими идеями и вести за собой миллионы жителей городов и деревень. Если соединить воедино два этих «блока» — «Город» и «Деревню», то получится вся Россия, за исключением «высшего света».

«ДЕРЕВНЯ» В РУССКОЙ И МИРОВОЙ КРИТИКЕ

В сборнике «Классик без ретуши» представлена не только русская критика бунинских произведений, в том числе «Деревни», но также французская (франкоязычная), англо-американская и немецкая (Классик без ретуши, 2010). Читая отзывы иностранцев об этом творении Бунина, я испытал сложнейшую гамму настроений и чувств: от обиды за Россию, деревенских мужиков и русского человека до бешеного, неконтролируемого хохота со слезами на глазах от написанного Буниным на радость нашим извечным врагам, не раз ходившим войной на мою Отчизну, битых до смерти на суше, в море и в воздухе, но все еще продолжающих смотреть на Русь и русского человека как на дикаря, которому недоступна их высшая, западная цивилизация. Ах, как безответственно вооружил их Бунин, согнав своим воображением в «Деревню» целое стадо уродливых и порочных персонажей (а их, по подсчетам А. П. Аверьяновой, на ста с небольшим страницах повести около девяноста, см.: Аверьянова, 1972: 104), каждый из которых вызывает, как правило, оторопь, недоумение, неприязнь или отвращение.

Теперь хочу показать, что многие в России и особенно на Западе поняли бунинскую «Деревню» как одну из литературных «бомб», заложенных под самодержавный строй помимо воли и желания ее изготовителя.

Георгий Адамович, рассматривая «Деревню» в контексте революционных событий, потрясших Россию, поражался точности прогноза, который был дан автором: «“Деревня” сейчас, через двадцать пять лет после того, как она была написана, поражает предчувствием революции, — и какой-то своей исторической правдивостью. Бывает, что автор сам не знает, что он накликает, что он зовет: так, может быть, Бунин отказался бы от тех выводов, которые для повести его естественны. Но носятся в ней такие бури, звенит такое безысходное отчаяние, и заложено столько взрывчатых веществ, что, читая “Деревню” теперь, невольно спрашиваешь сам себя: “могло ли все

это разрешиться благополучно?» — и надежды на это проблематическое “благополучие” с каждой страницей становится все меньше.

Будь то Европа или Азия, но каждый бунинский образ, каждый психологический нюанс или жанровая зарисовка воспринимаются как отражение русской ментальности, особого, русского отношения к жизни и взгляда на мир. В этом отношении показательно мнение, принадлежащее Морису Марсинелю, обозревателю льежского «Креэ» (Creer. 1922. December): «Бунин без прикрас изображает людей России, которая всегда остается мрачной, трагичной в себе самой, азиатской; он рисует ее без идеализации, с той правдивостью, которая не страшится даже самого этого языка, грубого и неправильного. Большинство рассказов в этой книге, подкрепленные воображением, безжалостно показывают нам народ, униженный своим долгим рабством и своими примитивными страстями. Да позволит автор нам полагать, что он **излишне привязан к звериным примерам** и что в стране Толстого и Бородина душа этноса включает и самые благородные элементы!» (Классик без ретуши, 2010: 607).

Сам Бунин, как некогда Гоголь, годами приходил в ужас (!) от написанных десятилетия назад вещей, уверял всех и каждого — например, А. Жида в Грассе во время войны, когда Бунину хотелось видеть свой народ героическим, — что «Деревня» — произведение юношеское и «дает очень слабое и очень неверное о нем представление» (там же: 610).

Вся история России заставляла рецензентов задуматься над бунинской «Деревней». Написанная за семь лет до революций, она неожиданно приобрела едва ли не документальный статус, ее текст становился своего рода комментарием Февральской и Октябрьской революций.

Один из рецензентов Эталажист писал: «Бунинская “Деревня”... запечатлела “целую эпоху русской жизни... Эту жалкую, ничтожную жизнь в заснеженных степях, куда не проникает ни единый солнечный луч, мы воспринимаем с сочувственной грустью и с удручающей скукой. Читая эти страницы, понимаешь необходимость революции, которая произошла вслед за войной... о том, что эта революция не принесла столь надевавшемуся на нее русскому народу счастья. Бунин талантливо живописует своих соотечественников — грубых, неотесанных, порой жестоких; мелькают их лица, иссеченные морозом, омраченные лишениями и жаждой свободы. Заснеженные пейзажи написаны просто, подходящими словами, и понятно, с каким вкусом и как точно переводчик воссоздает тяжелую **рабскую атмосферу**, в которой существуют обитатели Дурновки и прочих мест» (цит. по: там же: 611).

Рецензент «Папируса» воспринимал повесть как «документальный источник, позволяющий понять причины, которые привели к падению режима, это извечное физическое и нравственное ничтожество, вызвавшее те катаклизмы, которые мы именуем “революцией”» (там же: 612).

Во французской прессе был напечатан чрезвычайно любопытный очерк Пьера Параффа, который противопоставлял «по контрасту» бунинскую поэму — труду Сталина о коллективизации¹ (см.: Сталин: Электронный ресурс). П. Парафф размышляет: «Иван Бунин ничего не приукрашивает, ничего не утаивает. И настоящий большевик не смог бы сказать больше, чем русский писатель в этой “поэме”, где вскипает вопиющая бедность, а автор подкладывает в этот кипяток жизни пряности, свечи, чадающие сковородки, поповские бороды; там все переполнено гремящими бубенцами, ледяными дорогами, несущимися по ним под завывания ветра широкими санями, — да, поэма, которую читать не смешно и не легко, ведь все главные герои считают себя

проклятыми, а общество в целом видит себя приговоренным. Мне кажется, что **суровая книга Сталина и звучит приговором деревне 1909 года**» (Классик без ретуши, 2010: 613).

Рецензент La Wallonie Андре Делакур писал в июне 1934 г.: «С живейшим интересом и подлинным удовольствием я прочитал книгу Бунина в переводе Мориса.

“Деревня” — это произведение, которое нужно понять. В нем есть и простота, и будущее за душу чувство, которое рождено правдивым рассказом; оно проникновенно раскрывает нам склад ума и уровень образования русского крестьянина. Еще лучше оно позволяет понять события, происходящие в этой несчастной стране, и то, почему такой в целом отсталый, такой невежественный и так мало подготовленный к свободе русский народ впрягся со столь роковой покорностью в ярмо большевизма. Скорее поэма, чем роман, говорит нам переводчик, но подобная “Мертвым душам” Гоголя, книге, с которой у нее много родственного, много точек соприкосновения.

В “Деревне” немного действия: жизнь двух братьев среди обыденности, разговоров и работы, меньшей, чем подавляющее ее нежелание трудиться. Тихон Ильич, после странствий коробейником, завел лавку и постоянный двор на станции Воргол, в пяти верстах от Дурновки. Это и усадьба, и сюжетная связка, и традиция. Два брата — Тихон и Кузьма Красовы — придают повести внезапное, вполне анекдотическое движение.

И в чем бы то ни было — в описаниях, в портретах или в картине нравов — Иван Бунин великолепен: его объективный взгляд на вещи учитывает каждую из них; его карандаш превосходно отточен, его картинки раскрашены верно. Не стоит забывать и о людях, которых он изображает, — “странный”, “дикий народ”, “скучные и ленивые типы”, живущие “по-свинячьи”, “все враги друг другу, завистники, сплетники”, — **вызывая в них внезапно активное или мессианское желание революции**. У кого! Какими же жалкими и ничтожными вышли у него эти люди! Под каким стопудовым рабством они все еще гнутся в его изображении! Какая же у них скотская жизнь! Какие же грязные берлоги эти избы! У нас-то самих свободные люди дивно вошли в обычай.

Какие души! Какие инстинкты!

Иван Бунин ознакомил нас с ошеломляющей коллекцией негодяев, скотов, бесстыжих побирушек, пьяниц и развратников, матрон и знахарок, а заодно — нескольких мечтателей, которые, похоже, хотят искупить страдания этого печального человечества» (Классик без ретуши, 2010: 663–664).

В коллективной рецензии газеты Le Village, в частности, говорилось:

«...Когда Гоголь сто лет назад прочел Пушкину свою знаменитую поэму «Мертвые души», тот с сердечной болью воскликнул: “Боже, как грустна наша Россия!” Написанная в 1910 году “Деревня” исторгла бы у него то же восклицание. Деревня Дурновка, расположенная в нескольких верстах от станции Воргол, — грязное и зловонное место, населенное крысами и безграмотными мужиками, завидующими кулаку или разбогатевшему крестьянину, жестокому и жадному. Он притесняет их, они боятся его, но только и ждут случая отомстить. Работа без вознаграждения сменяется пьянством без удовольствия и сожительством без любви. Мужики составляют безликую массу, где никто как будто не выделяется; из нее выбиваются лишь отдельные интересные личности, например, Тихон, Кузьма и особенно миловидная крестьянка, которую вся деревня зовет Молодой. В ней есть что-то причудливое и своенравное; к таким существам приходят феи, и живут они скорее в сверхъестественном мире, нежели в реальном.

Кузьма — самоучка, тоже весьма занятный персонаж, очень русский в своей жалости и печали, с которой он склоняется над страданиями ближнего. Бунин показывает его нам совершенно опустившимся, спивающимся. “Но это-то и спасло его. Он твердо решил начать самую простую и трудовую жизнь”.

С помощью многочисленных, правдивых и трогательных подробностей автор достигает мощи и единства и создает незабываемую вещь. Это поэма и вместе с тем документ, преобразенный и застывший в произведении искусства» (там же: 665). Столетие назад на Западе создан «черный миф» о России. Бунин щедро обогатил его.

В заключение приведу еще несколько суждений о творчестве Бунина, опубликованных в *Revue hebdomadaire* в 1936 г.: «Еще я прибавил бы об этом писателе, что с самого начала он был и остается русским. Разумеется, он и есть русский. Но в своей глубине он принадлежит времени и более изменчивым широтам. Он живет рядом, похожий на нас, наш брат. И он не станет таким, как мы?» (там же: 686).

И далее: «Род врожденного несходства всегда поддерживал между русскими и нами непреодолимую дистанцию. Между тем как произведение английское или итальянское и даже немецкое устанавливало прямой контакт — вопреки переводу, — произведения русские, пусть даже речь идет о великих романах Достоевского, все же настолько чужды нашей западной культуре, что неизменно оставляют впечатление, будто автор говорит, думает и тревожится об ином мире...» (там же: 688).

Считается, что XIX в. был веком Литературы, стоявшей во главе величественной русской культуры во всех ее сферах — музыке, балете, театре, живописи. При этом литературу ни сами авторы, ни читатели не рассматривали как развлечение. Она была учебником жизни, а русские писатели — ее учителями. В том же веке в Европе бурно развивались социология и психология как отрасли науки, а в России им уделялось совсем немного внимания. Дело в том, что русские писатели сумели соединить, казалось бы, невозможное — соединить художественные формы и средства познания человеческой души с вполне научным подходом, методологией и научной глубиной проникновения в тайны человеческого сознания и его духовного мира. Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Достоевский, Куприн и другие отечественные классики стояли не только вровень, но и выше французских, англо-американских, немецких и прочих прозаиков и поэтов, и весь мир зачитывался их произведениями.

Названные и другие писатели представляли ничтожно малую часть малой части образованного народа. Их по преимуществу европеизированное сознание отражало их личные взгляды на русский мир и русский народ, который их сочинений (в силу малой или полной безграмотности) не читал и сам о себе ничего такого (уж совсем безобразного) не представлял. Ведь это в бунинской «Деревне» мужики и бабы не пашут, не сеют, не жнут и не косят, так, кое-что делают по дому, а в основном пьют, дерутся, спят... А на самом деле с петухами вставали и до полуночи обычно кто-где трудились. Образы и «типичные черты русского народа», уже существующие или, как казалось Учителям России, еще только нарождавшиеся, воспринимали как истинную правду так называемого «русского европейца», для которого солнце восходило на Западе. Вот они эти книги и читали, и создавали писательские образы, в основном отражая их национальные чувствования и свое видение русского народа. Нет, не дворянства и помещиков, не купцов и интеллигенции, а того, «другого» народа — крестьян (около 83%) и рабочих (более 14%) населения России... Ведь это правда: в XVIII в. говорили «дворянство» и «народ»... Два этноса — две России...

А что ныне? Картина та же: до 3% — олигархи, сверхбогатые и богатые. Название у них иное — «элита». И — «другой» народ. Снова — две России...

Но надо бы знать и понимать: дворяне создали Россию, дворяне ее и уничтожили.

ВЫВОДЫ

В юные и молодые годы Бунин под влиянием своего брата Юлия прикоснулся к различным политическим течениям, в том числе к народникам, социал-демократам, марксистам, но не застрял ни в одном из них. Политика сама по себе не захватила его. Он весь отдавался литературному творчеству.

Политика вообще увлекает немногих. К тому же конец XIX в. был относительно спокойным периодом российской истории. Бурный этап деятельности царя-реформатора Александра II почти не застал Бунина. Александр III к реформам не тяготел, и скорее наоборот, новых войн не затевал, отчего прослыл царем-«мироворцем».

Бунин вырос политически безразличным обывателем, ум и душу его занимала исключительно литература, в которой он становился все более заметной личностью.

Гражданское чувство проснулось и заговорило, а писатель и поэт на годы умолкли в нем в 1917 г. Уже Февральская революция вызвала у него скептицизм, а Октябрьская социалистическая — яростное отторжение. Безоговорочная непримиримость к большевикам и их идеологии стала его окончательным выбором до конца жизни, и только две-три оговорки после Второй мировой войны свидетельствуют, что его антибольшевистский фанатизм был все же несколько поколеблен, корабль его, казалось, абсолютно бескомпромиссной публицистики дал течь. Но и после этого до конца своих дней Бунин боролся с большевиками своим профессиональным оружием — словом. Революция представлялась ему каким-то апокалипсическим, дьявольским явлением. Бунин отвергал большевизм со всех сторон — не только идеологической и политической. Труды Маркса и Энгельса, Ленина и даже их оппонентов во главе с Плехановым не читал. Во всяком случае, в его публикациях фигурирует ненавистный ему Ленин и более никто из социал-демократов и коммунистов.

Бунин видел, как на его глазах рушатся старый, привычный самодержавный строй, старые традиции, старая привычная культура, в чреве которых он зародился и вырос, впитав в свой мозг их душу и соки, и потому не хотел и не мог примириться с новым укладом жизни, где ему, дворянину и барину, места не было. Ужасали поджоги помещичьих домов, расстрелы и их количество.

Любой социальный бунт, тем более идейная революция, превращает человеческие жизни в нуль. Исчезла жизнь, существовавшая на Руси веками, ее больше не существовало. Бунин кинулся ее защищать, ударился в публицистику. Его перо вновь обрело утраченную было свободу. Благо печататься было где: эмигрантская пресса Русского заграничного исторического архива в Праге еще в годы Второй мировой войны насчитывала 1435 журналов и 1030 газет (Иван Бунин ... , 1997: 14).

Масштаб социалистической революции в России с ее огромным географическим пространством и почти 160-миллионным в подавляющем большинстве необразованным крестьянским населением, марксистская идеология, в основе которой лежала идея диктатуры пролетариата, исключали какие-либо, хоть «высшее», хоть «низшее», сословия. Принцип «Кто не с нами, тот против нас» мгновенно превращал любого оппонента, тем более противника коммунистической идеологии, во врага, подлежащего уничтожению.

Хоть в ту пору, хоть сейчас по этому поводу можно судачить до бесконечности, но без толку — так было. Из этой ситуации существовал единственный выход: отойти в сторону, спрятаться, затаиться и молчать. Это могло спасти, но — не всегда. От революции, от реальной политики в России спрятаться было практически невозможно. Оставалось последнее — покинуть страну, стать эмигрантом.

Буниноведы считают публицистику Бунина **органичной** частью его творчества, относят книги этого жанра к художественным произведениям, где есть «страницы, которые могут сравниться с лучшим из всего, что написано Буниным», находят, что «в “Окаянных днях” рассыпаны сокровища изобразительного искусства» (Риникер, 2001: 626).

В какой-то момент, осознав практическую бессмысленность своего неутомимого, мстительного труда против Октябрьской Социалистической революции, советской власти и большевиков, не только восстановивших Россию, разрушенную в ходе Первой мировой войны и Гражданской войны, но и шаг за шагом превращавших ее в могучую мировую державу, Бунин умерил публицистический пыл, вернулся к художественному творчеству. В ответ на ехидный вопрос одного из своих товарищей о том, уж не восхищается ли Бунин советской властью и Сталиным, Бунин ответил: «Только глупец не заметит тех гигантских дел, которые в России происходят» (цит. по: Лавров, 1989: 221).

Но понимая, думается, все, что происходило в Советском Союзе не только в отрицательном, но и положительном отношении, мечтая вернуться на родину, Бунин был не в состоянии укротить свою злобу и ненависть к новому строю и потому параллельно с художественным творчеством в бесчисленный раз редактировал и переиздавал свой главный публицистический труд «Окаянные дни», в тексте которого буниноведы обнаружили «пласты, различающиеся по происхождению и по времени написания»: «фельетон», как именовал его сам Бунин, лишь частично родился из заметок, которые он сделал в Одессе в 1919 г. (см.: Риникер, 2001: 641). Большая часть текста написана по слухам, публикациям эмигрантских изданий или выдумана самим автором, на что он был горазд. Как пишет Д. Риникер, писатель также «включил в свое произведение записи дореволюционного времени» (там же: 643) и «записи более позднего времени в переработанном виде» (там же), но Бунин на это не указывал (там же: 644).

«Важно подчеркнуть, — пишет Д. Риникер, — что для Бунина не существовало жесткого разграничения документальной и художественной литературы, так как он не делал разницы между жизненным фактом и вымыслом в качестве материала для художественного произведения. Многочисленны утверждения Бунина о том, что он выдумал то или иное произведение...» (там же: 646).

Поэтому, по его словам, и сливаются в бунинской «летописи» художественный и реальный образы летописца, на различие которых указал Д. С. Лихачев: «пристрастный» документ эпохи о злобе дня то и дело стремится стать неподвластным времени повествованием о вечно повторяющейся «суете сует», современный языковой балаган оттесняется обращением к языку древних и священных текстов, «окаянное» настоящее оборачивается лишь каплей в неизменном потоке бытия (там же: 649–650).

И все-таки, сказав все, что я только что процитировал из статьи Д. Риникера, этот, верный долгу сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького, бывшего друга, а потом злейшего врага Бунина, поклонник первого нобелевского лауреата, в завершение своей статьи пишет: «Бунин сам сблизил “Окаянные дни” со своим худо-

жественным творчеством, материя которого обычно “не принимала антиматерии советского бытия”» (И. А. Бунин ... , 2001: 650).

Это произведение, основанное на «дневниках» писателя, генетически связанное с его дореволюционной публицистикой, прошло длинный путь **преобразований** под внимательным и требовательным взглядом автора, который снова и снова правил и перерабатывал его. Как старое вино, «Окаянные дни» должны были отстояться, чтобы, когда злободневная муть осядет, стать полноценной частью творческого наследия И. А. Бунина (там же: 650).

На бумаге сблизить возможно все что угодно. Можно сделать публицистику «художественной», т. е. вместо правды и истины наполнить текст эмоциями, домыслами и вымыслами во всех видах, вплоть до откровенной лжи, чтобы оружие публицистика как можно сильнее разило врага. А для Бунина СССР был и оставался врагом до конца жизни. Служить Гитлеру, как Власов, Краснов, Бандера, Шушкевич и прочие им подобные предатели и нацисты, он не стал, но и в ряды движения французского сопротивления немцам не вступил. Воевал в одиночку, и незадолго до смерти в октябре 1953 г. опять редактировал «Окаянные дни» для публикации их в германском издательстве, и правка эта «...носила как стилистический, так и **идеологический характер**» (там же: 629), «именно **идеологические исправления были самыми значительными**» (там же: 650).

Как бы то ни было, а противоречивая роль, которую в свое время сыграла повесть «Деревня» с ее предвзятым изображением «типичного русского характера», скорее достигла иного эффекта, нежели «Окаянные дни». Формируя в сознании читающей публики в России и за рубежом образ русского «мужика» как безнадежно порочно-го и даже преступного, а жизнь его в пред- и постреволюционных обстоятельствах 1904–1907 гг. — как беспросветную и даже безысходную, Бунин невольно вызывал у современников мысли о том, что единственный путь для исправления мрачного бытия русского народа — радикальные перемены в общественном устройстве и смена правящего строя.

В этом смысле его вполне можно считать «буревестником» двух революций 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Заметка подписана инициалом S., однако резонно предположить, что она принадлежала перу Ж.-Б. Северака, регулярно печатавшегося в этой газете и выступавшего в других печатных органах с рецензиями на бунинские издания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверьянова, А. П. (1972) Из наблюдений над языком и стилем И. А. Бунина // Вестник Ленинградского университета. № 2. С. 104–110.

Адамович, Г. В. «Последние новости». 1934–1935 [Электронный ресурс] // ВикиЧтение. URL: <https://lit.wikireading.ru/30805> <https://lit.wikireading.ru/30805> (дата обращения: 12.06.2017).

Бунин, И. А. (2007) Письма 1905–1919 годов. М. : ИМЛИ РАН. 832 с.

Бунин, И. А. (1965) Собрание сочинений : в 9 т. М. : Художественная литература. Т. 3. Повести и рассказы 1907–1911 гг.

Бунин, И. А., Бунина В. Н. (2005) Устами Буниных : в 2 т. М. : Посев. Т. 2. 1920–1953. 432 с.

Бурнакин А. (1911) Литературные заметки. Пасквиль на Россию // Новое время. 11 февраля. № 12543. С. 4.

И. А. Бунин: pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология / отв. ред. Д. К. Бурлак ; сост. Б. В. Аверин и др. СПб. : Изд-во РХГИ. 1015 с.

Иван Бунин. Великий дурман (1997) Неизвестные страницы. Составление, вступительная статья, примечания О. Василевской. М. : Совершенно секретно. 352 с.

Ильинский, И. М. (2014) Живу и помню. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. 232 с.

Классик без ретуши (2010): Литературный мир о творчестве И. А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е — 1950-е годы) / Н. Г. Мельников (общ. ред.). М. : Книжница ; Русский путь. 928 с.

Крутикова, Л. В. (2001) «...В этом злом и прекрасном мире...» // И. А. Бунин: pro et contra : Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология / отв. ред. Д. К. Бурлак ; сост. Б. В. Аверин и др. СПб. : Изд-во РХГИ. 1015 с. С. 479–507.

Лавров, В. (1989) Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953). М. : Молодая гвардия. 384 с.

Риникер, Д. (2001) «Окаянные дни» как часть творческого наследия И. А. Бунина // И. А. Бунин: pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология / отв. ред. Д. К. Бурлак ; сост. Б. В. Аверин и др. СПб. : Изд-во РХГИ. 1015 с. С. 625–650.

Сталин, И. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения / Правда. 1930. 2 марта [Электронный ресурс] // 100 главных документов российской истории. URL: <http://док.история.рф/20/stalin-i-v-golovokruzhenie-ot-uspekhev-k-voprosam-kolkhozno-go-dvizheniya/> (дата обращения: 12.06.2017).

Дата поступления: 30.07.2017 г.

BUNIN AS A “STORMY PETREL” OF A NEW REVOLUTION

I. M. ILINSKIY

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper outlines its author's idea of the part that I. A. Bunin's work and especially his pre-revolutionary works play in forming the image of Russia and the Russian man in book-loving people's consciousness. In 1910, Bunin published his most important book – “The Village”. In it the writer portrayed a whole gallery of village characters, possessing the alleged “typical Russian character” traits: negative ones, and often utterly negative. The life itself in the state of being permanently oppressed by “masters” (the nobility and landlord class), everyday disorder, starvation, diseases – all that creates a hopeless image of a “bumpkin” who is deprived of any virtues, and the harsh viciousness of the village world inhabitants. By revealing in “The Village” the features of rough and severe realities of rural life in 1904–1907, Bunin, hopefully, without realising it, made his contemporaries aware that the only way to remedy the somber picture of existence of 85 per cent of Russian people meant radical reforms and changing the governing regime.

Keywords: I. A. Bunin; revolution; image of Russia; Russian man; “The Village”; Russian literature

REFERENCES

Aver'ianova, A. P. (1972) Iz nabliudeniia nad iazykom i stil'em I. A. Bunina. *Vestnik Leningradskogo universiteta*, no. 2, pp. 104–110. (In Russ.).

Adamovich, G. V. «Poslednie novosti». 1934–1935. *VikiChtenie* [online] Available at: <https://lit.wikireading.ru/30805> <https://lit.wikireading.ru/30805> (access date: 12.06.2017). (In Russ.).

Bunin, I. A. (2007) *Pis'ma 1905–1919 godov*. Moscow, IMLI RAN. 832 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1965) *Sobranie sochinenii* : in 9 vol. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. Vol. 3. *Povesti i rasskazy 1907–1911 gg.* (In Russ.).

Bunin, I. A. and Bunina V. N. (2005) *Ustami Buninykh* : in 2 vol. Moscow, Posev. Vol. 2. 1920–1953. 432 p. (In Russ.).

Burnakin A. (1911) Literaturnye zametki. Paskvil' na Rossiiu. *Novoe vremia*, 11 February, no. 12543, p. 4. (In Russ.).

I. A. Bunin: *pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei*: Antologiya / ed. by D. K. Burlak ; comp. by B. V. Averin et al. St. Petersburg, RKhGI Publ. 1015 p. (In Russ.).

Ivan Bunin. *Velikii durman* (1997) *Neizvestnye stranitsy*. Compilation, introduction, notes by O. Vasilevskaya. Moscow, Sovshhenno sekretno. 352 p. (In Russ.).

Il'inskii, I. M. (2014) *Zhivu i pomniu*. Moscow, Mosk. gumanit. un-t Publ. 232 p. (In Russ.).

Klassik bez retusbi (2010): Literaturnyi mir o tvorchestve I. A. Bunina. Kriticheskie otzvyvy, esse, parodii (1890-e — 1950-e gody) / ed. by N. G. Mel'nikov. Moscow, Knizhnitsa; Russkii put'. 928 p. (In Russ.).

Krutikova, L. V. (2001) «...V etom zlom i prekrasnom mire...». In: I. A. Bunin: *pro et contra : Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei*: Antologiya / ed. by D. K. Burlak ; comp. by B. V. Averin et al. St. Petersburg, RKhGI Publ. 1015 p. Pp. 479–507. (In Russ.).

Lavrov, V. (1989) *Kbolodnaia osen' . Ivan Bunin v emigratsii (1920–1953)*. Moscow, Molodaia gvardiia. 384 p. (In Russ.).

Riniker, D. (2001) «Okaiannye dni» kak chast' tvorcheskogo nasledii I. A. Bunina. In: I. A. Bunin: *pro et contra : Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei*: Antologiya / ed. by D. K. Burlak ; comp. by B. V. Averin et al. St. Petersburg, RKhGI Publ. 1015 p. Pp. 625–650. (In Russ.).

Stalin, I. Golovokruzhenie ot uspekhov. K voprosam kolkhoznogo dvizheniia / Pravda. 1930. 2 marta. *100 glavnykh dokumentov rossiiskoi istorii* [online] Available at: <http://dok.istoriia.rf/20/stalin-i-v-golovokruzhenie-ot-uspekhov-k-voprosam-kolkhoznogo-dvizheniya/> (access date: 12.06.2017).

Submission date: 30.07.2017.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Iilinskiy Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Rector, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.ru